

Этничность и раннесредневековые могильники¹

Резюме. Статья является ответом на недавние работы Михаила Казанского и Патрика Перена, отстаивающие способность археологии распознавать этническую принадлежность погребенных по материалам могильников раннего Средневековья. Суммировав аргументы, приводимые в пользу такой точки зрения, автор подвергает их детальному анализу. Этот анализ основан на археологических свидетельствах и на обсуждении того, что они могут и чего не могут сказать, если при их интерпретации не полагаться на представления, заранее выработанные в результате прочтения (как правило, старомодного) исторических источников. Найдя аргументы оппонентов оставляющими желать много лучшего даже в плане их внутренней логики, автор заключает статью рассмотрением природы этничности самой по себе, а также вопроса о том, насколько вероятно ее отражение в археологических источниках столь явным и прямолинейным образом.

Ключевые слова: этничность, погребения, археология, раннее Средневековье, Западная Европа.

Halsall G. Ethnicity and early medieval cemeteries. This article responds to recent work by Michel Kazanski and Patrick Périn, defending the ability of archaeology to recognise ethnic identity in the burial record of the early Middle Ages. After summarising the main outlines of their argument, it takes the components of their hypothesis in turn and subjects them to analysis. This analysis is based around the archaeological evidence and what it can and cannot say without the intrusion of preconceptions drawn from a (usually oldfashioned) reading of historical sources. After finding the argument wanting even on its own terms, the article concludes by looking at the nature of ethnicity itself and whether it is likely to leave such obvious and straightforward traces in the archaeological record.

Keywords: ethnicity, burial, archaeology, Early Middle Ages, Western Europe.

Настоящая статья является ответом на две недавние публикации Михаила Казанского и Патрика Перена (Kazanski, Périn 2008, 2009), в которых предпринята серьезная и последовательная попытка доказать на материале могильников

¹ Работа впервые опубликована на английском языке в № 18 (2011) журнала *Arqueología уTerritorio Medieval* (Хаэн, Испания). Перевод английского текста выполнил Ю. П. Третьяков.

способность археологии распознать и идентифицировать этническую принадлежность. В Великобритании со времени выхода монографии Ш. Джонса, посвященной этой теме (Jones 1997), такой подход не считается продуктивным (хотя не все выводы этой монографии приняты в англосаксонской археологии). Однако среди археологов континентальной Европы подобная точка зрения весьма распространена и, как представляется, поддержана сегодня течением, которое можно назвать «контрревизионистским научным наступлением». Осведомленность Патрика Перена в области французской археологии и особенно погребальных обрядов эпохи Меровингов не имеет себе равных и, наверное, никогда не будет превзойдена. Точно так же, Михаил Казанский обладает несравненным эмпирическим знанием археологических материалов восточных германогворящих регионов поздней античности. По этим причинам к упомянутым публикациям следует относиться со всей серьезностью, а высказанные в них соображения должны быть подвергнуты тщательному рассмотрению.

Аргументы, содержащиеся в более пространной и подробной статье (Kazanski, Périn 2008), можно суммировать следующим образом:

Казанский и Перен заимствуют исходный момент своей методологии из работы Х. Ю. Эггерса (1950), которая, они утверждают, обязана своей убедительностью тому, что ее автор сумел избежать смешанной аргументации, которая, по всеобщему признанию, была характерна для более ранних исследований. Эггерс, напротив, утверждал, что рассматривает различные группы свидетельств — исторических, археологических и лингвистических или ономастических — по отдельности и в терминах каждой отдельной группы. Это в точности напоминает мою «мультидисциплинарную» методику, которую я использовал в своей первой книге, посвященной региону Меровингов в Метце (Halsall 1995). Эта методика направлена на достижение тех же самых преимуществ и на избежание тех же самых ловушек. Однако, как ни иронично это звучит, я принял эту методику, чтобы избежать ловушек в работах, основанных на методологии Эггерса! Существует связь между утверждениями, содержащимися в этих статьях, и заявлениями, которые обычно делает Перен (что характерно для французских ученых) о «картезианстве», иными словами, радикальном скептицизме, не требующем первоначального рассмотрения фактов: все должно быть показано через разум.

«Смешанная аргументация», сомнительное сочетание археологии, фольклора, лингвистики и истории, перемешанных друг с другом *ad hoc*, есть именно то, что, по справедливому утверждению послевоенных археологов, включая Эггерса, лежало в основе германофильских, националистических работ Густава Коссины. Без сомнения, работы Коссины были популярны у нацистов, они поддерживали территориальные притязания Гитлера (Fehr 2002). Немецкие археологи стремились отмежеваться от этого. Подобным же образом Казанский и Перен утверждают, что Коссиня слишком прямолинейно рассматривал археологические культуры как простое отражение этнических групп, тождественных народностям или нациям. Их работа, заявляют они, основана на совершенно иных предпосылках. Они также утверждают, что археологам было бы нереалистично ожидать признаков монокультурности и гомогенности у варваров, населявших римские земли, и делать обоснованные выводы о текучести этнической идентичности и сложном и меняющемся составе предполагаемых

этнических групп. Это утверждение соответствует тому, что мы находим не только у Рейнхарта Венкуса, но и у его последователей, таких как Хервиг Вольфрам и, пожалуй, даже Вальтер Поль (Wenskus 1961; Wolfram 1988, 1997; Pohl 1998). На данном этапе рассуждения можно сказать, что все в порядке. Однако следует посмотреть, отражаются ли эти справедливые соображения в выводах Перена и Казанского, и если да, то в какой степени.

Оба автора утверждают, что аккультурация варваров на римских землях была «неизбежной», и показывают это на примере вестготов. В ходе своих тридцатилетних странствий по Европе, к тому времени, когда «вестготы достигли в 412 году Галлии, где они усмирили багаудов и основали королевство» (Kazanski, Périn 2008: 188), они утратили свою материальную культуру. Эта «дисаккультурация» привела к быстрой аккультурации в Аквитании и объясняет, почему вестготы не оставили там археологических следов. По контрасту, вынужденные переселиться в Испанию, они создали национальную материальную культуру, в чем им помогло их отличие от остготской армии Видимира.

Казанский и Перен далее обсуждают ряд критериев, относящихся к определению этничности:

1. Погребальные обряды. Они утверждают (Kazanski, Périn 2008: 191), что погребальные обряды в традиционных обществах строго связаны с религиозными верованиями и поэтому плотно укореняются в этнических группах. При этом Казанский и Перен тем не менее заключают, что с позиций археологии было бы невозможно отличить варвара, полностью интегрировавшегося в римское общество, и римлянина, жившего в Барбарикуме и погребенного по местным обычаям.

2. Этнический костюм. Это главный критерий для Казанского и Перена, но он, как мы вскоре увидим, касается преимущественно женского костюма.

3. Этническое оружие. Мужчин обучали обращению с оружием с раннего детства и поэтому, рассуждают Казанский и Перен (2008: 195, 196), некоторые виды оружия могут рассматриваться как этнические маркеры. В качестве примера они приводят франциску — боевой топор, распространенный (по их словам) по всему франкскому «протекторату».

4. Традиционный женский костюм. Как уже отмечалось, это ключевой момент аргументации (Kazanski, Périn 2008: 196–199). Согласно Казанскому и Перену, в традиционных обществах этот костюм подвергается сакрализации и строгому регулированию. В поддержку этого тезиса делается неопределенная ссылка на работы этнографов, при этом заявляется, что это практически всеобщий, многократно доказанный закон (Kazanski, Périn 2008: 196; 2009: 150). В контексте своих утверждений, касающихся этнического восточно- и западногерманского женского костюма, они далее приводят серию захоронений, где встречаются фибулы «неправильного» типа, либо «правильные» фибулы, но носимые на «неправильном» месте, в качестве примеров аккультурации.

Например, на теле в захоронении 756 в Вике была вестготская пряжка и пара арбалетовидных фибул на плече, но на груди находилась также пара зооморфных фибул (Kazanski, Périn 2008: 195, fig. 22, 196–197).

В другом случае, на теле из захоронения 140 в Новион-ан-Понтье были две «вестготские» фибулы, но они располагались на поясе, а не на плечах, где им «следовало» бы быть.

Это объясняется тем, что захоронения принадлежали переселенцам второго поколения (Kazanski, Périn 2008: 198).

5. Лепная керамика. Утверждается, что она не могла быть предметом торговли, но изготавливалась женщинами на поселении и, следовательно, является признаком этнической идентичности (Kazanski, Périn 2008: 198–199).

6. Германский зооморфный стиль. Казанский и Перен заявляют, что он был определенно языческим и, следовательно, свидетельствует о варварстве (Kazanski, Périn 2008: 199–201).

Основываясь на этих критериях, Казанский и Перен переходят к рассмотрению четырех конкретных примеров:

1. Присутствие западногерманских варваров в северной Галлии в конце IV — начале V в. (Kazanski, Périn 2008: 201–207).

2. Восточные варвары в Галлии в тот же период времени (Kazanski, Périn 2008: 207).

3. Общие тенденции в костюме воинов-варваров во второй половине V в. (Kazanski, Périn 2008: 207–209).

4. Германские группы в Галлии в конце V — начале VI в. (Kazanski, Périn 2008: 209–212).

Мы достаточно поговорили об аргументации Казанского и Перена, основанием которой является работа Казанского (Kazanski 1997). Как сказано выше, она базируется на весьма глубоком знании, с одной стороны, археологии Мерovingов во Франции, а с другой, материальной культуры и, в особенности, личного убора народов, населявших территории Причерноморья и Дуная, а также их присутствия в Галлии. Я не могу тягаться с этими авторами в том, что касается их знания эмпирических данных. Тем не менее, логическая и методологическая обоснованность их аргументации в пользу того, что археология Галлии времен Мерovingов способна определить этническую принадлежность, может быть рассмотрена более подробно.

Серьезный спор с этими идеями является свидетельством уважения к работе (и знаниям) их авторов. Поэтому особенно печально, что Казанский и Перен не обращают внимания на все возрастающий объем литературы по раннесредневековым захоронениям, в которой отвергается их модель и условия ее возникновения. Эти работы просто игнорируются. К такой литературе я могу отнести монументальный труд С. Бразера (Brather 2004a), работы Б. Эффроса о консервативной, по общему мнению, одежде женщин-варваров (Effros 2004), рассуждения Ф. фон Руммеля о недостатках идей, касающихся одежды варваров (Rummel 2007), и иные исследования Фрайбургской школы, подвергающие сомнению географию происхождения основных типов предметов, а также мои собственные работы, работы Ф. Тевса, посвященные позднеримским и мерovingским могильникам в Галлии (Halsall 1992, 2000a, 2010: 131–367; Theuws 2009; Theuws, Alkemade 2000), и т. д. Можно читать между строк и рассматривать перечисленные работы как своего рода контрнаступление археологов-традиционалистов против нового прочтения данных раскопок, спровоцированное в первую очередь публикацией книги Бразера (Bierbrauer 2004; Brogiolo, Chavarría Arnau 2010; Valenti 2009), но было бы предпочтительнее увидеть конкретный спор с конкретными аргументами, выдвинутыми в новейших

исследованиях, а не простое пересказывание прежних взглядов и несправедливое применение *damnatio memoriae*² к работам ревизионистов.

В британской археологии обычно используется подход, при котором внимание обращается на природу этничности и на то, возможно ли идентифицировать ее исходя из археологических данных. Однако если принять такую линию аргументации, мы окажемся в положении (по причинам, изложенным в конце статьи), когда нам нечего будет сказать о работах Казанского и Перена, кроме повторения мысли о значительном различии между раннесредневековой археологией в Британии и континентальной в Европе. Поэтому вместо этого нам представляется более продуктивным изучить подробно и уважительно аргументы, обстоятельно приводимые в защиту традиционной точки зрения. После этого мы перейдем к обсуждению других проблем определения этнической принадлежности по данным захоронений.

До какой степени аргументы Казанского и Перена соответствуют утверждениям о методологической чистоте? С самого начала надо сделать одно замечание, причем с известной осторожностью: материальный предмет не обладает этнической принадлежностью. Это замечание, пожалуй, оскорбительно очевидно, но как часто мы читаем в археологической литературе (и не только в работах авторов, которых мы обсуждаем) о *вестготской* ременной пряжке или *ломбардской* фибуле. На международном конгрессе медиевистов в Лидсе в 2010 году Филиппа фон Руммеля спросили, как же следует называть ременные пряжки или фибулы, если не готскими, вандальскими и т. д. В ответ он привлек внимание к тому факту, что ни у кого не возникает трудностей, когда говорят о гончарных изделиях, не используя этническую терминологию. Амфоры бывают испанскими или восточносредиземноморскими, Тонкая глиняная миска — это африканская красная лощеная керамика или вариант раннехристианской лощеной керамики и т. д. Нет никаких причин не использовать общие термины и для обозначения фибул, а еще лучше описывать их в терминах их основных особенностей (как делают англосаксонские археологи, прибегающие к названиям типа «большая фибула с квадратной головкой»). Просто удивительно, насколько более ясной стала бы археология эпохи Великого переселения народов, если бы вся эта ненужная этническая терминология была отброшена.

Воистину, приписывание *любого* этнического имени археологическим находкам совершенно невозможно уже по археологическим основаниям. *Никакая* этническая принадлежность не может сама по себе быть выведена из археологических данных, будь то художественное оформление предметов материальной культуры, или их ареал, или график процентного распределения (см. напр., Siegmund 1998, 2000). Подобная интерпретация может иметь место только — и исключительно — в случае применения к археологическим данным серии допущений, выведенных из письменных источников. Другими словами,

² *Damnatio memoriae* (лат. проклятие памяти) — особая форма посмертного наказания, применявшаяся в древнем Риме к государственным преступникам — узурпаторам власти, участникам заговоров, к запятнавшим себя императорам. Любые материальные свидетельства о существовании преступника — статуи, настенные и надгробные надписи, упоминания в законах и летописях — подлежали уничтожению, чтобы стереть память об умершем // «Википедия». — *Прим. перев.*

этническая интерпретация данных материальной культуры *ни в коем случае* не может базироваться только на археологических данных. Или можно сказать, что никакая этническая интерпретация в археологии *никогда* не может претендовать на «картезианство» или основываться на «чисто» археологических рассуждениях. Приписывание подобных названий артефактам ведет к неизбежному искажению данных археологии под влиянием письменных источников.

Обратимся для примера к вестготам в Аквитании и Испании. Первое, что надо сказать по этому поводу — это что вся проблема кроется в письменных памятниках, а точнее, создана ими. Без письменных свидетельств о том, что народ, называемый готами, пришел в Аквитанию во втором десятилетии V века, проблемы не существовало бы, не было бы «отсутствующих» или «невидимых» готов, наличие которых пришлось бы объяснять. Вторая проблема, к которой я вернусь позже, связана с предположением, что исторические данные, свидетельствующие об исторически подтвержденной этнической принадлежности, находят прямое и пассивное отражение в археологических данных, и что вариативность этих данных автоматически отражает вариативность оппозиций, содержащихся в письменных источниках.

Следующая проблема, связанная с настоящим примером, касается Видимира и его армии. В течение двадцати лет Патрик Перен использовал эту «остготскую» армию в качестве объяснения того, почему в культуре Испании появляется несомненно готский материал (Périp 1993). К сожалению, данных об этой армии практически не существует. Видимир не упоминается ни в одном источнике того времени за исключением «Гетики» Иордана, относящейся к середине VI века. Некий Биллимер, упоминаемый Павлом Диаконом, предположительно может быть тем же самым лицом, но ни один из источников не является достаточно надежным в этом отношении. Некий Видимир упоминается в двух письмах Рюрика Лиможского, и не исключено, что это тот самый человек, однако там не говорится о том, что он прибыл из Италии, или о чем-либо еще, что подтвердило бы рассказ Иордана (Halsall 2007: 278, 279; 2010: 70). Даже в более поздних ненадежных источниках, находящихся в нашем распоряжении, нет достаточных свидетельств о том, что стало с его армией. Суммируя сказанное, можно утверждать, что случай Видимира и его армии отнюдь не является примером «картезианского» подхода к археологическим данным, подхода, не обусловленного влиянием иных источников.

Другим примером является утверждение о том, что франциска — характерное оружие франков. Известно знаменитое, но ошибочное замечание Исидора, что название франков происходит от слова франциска (Isidore, *Etymologiae* 18.6.6), однако упоминание связи между франками и этим оружием появляется у Сидония Аполлинария не ранее середины V столетия. Касающиеся франков свидетельства IV века не упоминают этот вид оружия, а археологические данные о франциске также не древнее V века. Более того, франциска весьма часто встречается в Галлии и крайне редко в Барбарикуме. Существуют обширные свидетельства того, что этот топор использовался в римской армии (Halsall 2010: 134, 135). С чисто археологических позиций можно утверждать, что франциска была оружием, которое появилось в Галлии в V веке и изредка встречалось за Рейном, обычно в более поздний период. Данные археологии, если соотнести их с критическим прочтением документальных и эпиграфических

источников, позволяют сделать вывод, что франциска была оружием, использовавшимся римской армией в Галлии в поздний период и заимствованным франками, служившими в этой армии. Независимо от того, принимается ли такая точка зрения или нет, интерпретация франциски как показателя франкской этнической принадлежности не может базироваться исключительно на данных археологии.

Во многих случаях данные археологии вообще не принимаются как таковые. Хорошей иллюстрацией этому является пример германских варваров в позднеримской северной Галлии, который считается «достоверным» доказательством того, как археология свидетельствует о существовании посторонней этнической группы в Галлии (Kazanski, Périn 2008: 201). Практически ни одна общепринятая интерпретация так называемых захоронений федератов в северной Галлии IV столетия не может быть объяснена с позиций археологии (Halsall 1992; 2000a; 2010: 131–167). Я писал почти двадцать лет назад (Halsall 1992: 201), что если бы не исторический контекст, никто бы не обнаружил в них никаких признаков миграции. Почти все предметы материальной культуры, обнаруженные в захоронениях, имеют галло-римское происхождение; сам обряд — это, в основном, обряд римской Галлии, но с большим количеством погребального инвентаря; сам ритуал сильно отличается от ритуалов, существовавших на территориях, населенных варварами, и т. д. Традиционная точка зрения лучше всего подтверждается типологией фибул в женских захоронениях, но если проанализировать распределение этих предметов, то оно окажется почти аналогичным распределению предметов личного убора, таких как ременные пряжки и другие детали ремня или глиняные и металлические сосуды, которые — и в этом никто не сомневается — производились в Галлии и экспортировались за Рейн в Германию. Уже это одно вызывает вопрос, почему для артефактов с одинаковым ареалом и часто с одинаковыми элементами украшения используются разные интерпретации. Подробное изучение этих артефактов показывает, что они изготовлялись в Галлии, экспортировались в Германию и копировались там подобно тому, как копировались римские ювелирные изделия. У меня не вызывает сомнения, что эти данные рассматривались как свидетельство миграции варваров в Галлию именно вследствие предубежденного прочтения исторических документов. В традиционной аргументации существует множество иных алогичностей и противоречий, о которых я подробно писал в другой работе (Halsall 2010: 131–167).

Подобные примеры можно обнаружить и в иных регионах. Так, в недавно опубликованной работе предполагается, что фибулы, на которые ссылались как на свидетельство пребывания восточных германцев на западе в V веке, вовсе не импортированы с востока (Gauss 2009). Изучая их ареал, можно соединить точки и создать «миграцию» от Дуная в сторону Галлии или Испании (Kazanski, Mastikova, Périn 2008), но это можно сделать, только если заранее решить (основываясь на неархеологических данных), что именно таким должно быть направление движения. А почему, собственно не из Испании к Дунаю? Или, что по данным недавних исследований еще вероятнее, движение началось в центре производства в Средиземноморье, а потом разделилось на два потока — на запад и на восток, в Галлию и Испанию и в сторону Дуная и дальше на восток.

Иногда исследователи ссылаются на исторические сведения, нимало не заботясь о том, что тот или иной факт не имеет документального подтверждения в письменных источниках! Как и в случае с армией Видимира, мы наблюдаем подобное в отношении утверждения, что некоторые типы фибул, найденные в северной Галлии и имеющие некоторые общие черты с фибулами, обнаруженными на Дунае, свидетельствуют о присутствии восточногерманских воинов в этом регионе. Поскольку эти фибулы являются предметами женского убора, утверждается, что эти женщины были женами этих (археологически неуловимых) воинов. Я уже обращал внимание на несостоятельность гипотезы движения с востока на запад. Не важно, что ни один письменный источник не упоминает присутствия восточногерманских воинов (не говоря уже об их женах) в северной Галлии. На основе политической истории данного периода сочиняется повествование о том, что восточногерманские федераты прибыли в северную Галлию, чтобы сражаться в армии римского наместника Сиагрия. Отметим также, что личность Сиагрия — и даже реальность его существования в качестве римского царя, противостоящего вторжению франков, — не имеет подтверждения в письменных источниках! Значит, и письменные источники изучались недостаточно внимательно. Какой бы элемент подхода и предложенной аргументации мы ни рассматривали, мы ни на йоту не приближаемся к методологии, базирующейся на строгом, скрупулезном, «чистом» анализе изолированных групп данных, прежде чем приступить к их сопоставлению на более высоком уровне. Фактически это и есть самая настоящая *Mischargumentation*! Или, используя фразу Григория Турского, *mixta confusaque*³.

В приложении к работе 2008 года Казанский критикует одного из пионеров эггерсовской методологии Р. Хахмана, которого он хвалил в начале той же статьи (Kazanski, Périn: 185, 186), за то, что тот не подошел скандинавскую археологию под «Гетику» Иордана (Kazanski, Périn 2008: 212, 213). И не важно, что все научные исследования «Гетики» отвергают содержащийся в ней рассказ о скандинавском происхождении готов (Heather 1991; Goffart 1988: 20–111; 1995)... Похоже, это не свидетельствует об очень глубокой преданности принципам «*purification regressiva*»!

Подобная же непоследовательность выявляется при исследовании других оснований аргументации. Начнем с мысли о том, что погребальный обряд является маркером этнической принадлежности. Несомненно, в теории можно предполагать, что способ захоронения, хотя он и связан с космологией и религией, относится к области строго охраняемых традиций. Поэтому часто говорится, что погребение — весьма консервативный элемент общественной практики. Тем не менее, в плане археологических находок этот обряд отнюдь не консервативен. В античные времена изменения в погребальных практиках происходили часто и быстро. За первые семь с половиной веков нашей эры в низинной части Британии методы захоронения мертвых изменялись, по крайней мере, десять раз (Halsall 2000b: 261). В промежутке между тем временем, когда безынвентарное погребение, при котором покойника обряжали в саван или же в простую одежду, стало обычным в Европе где-то во второй половине первого тысячелетия (Zadora Rio 2003), и возрождением кремации

³ Смешение, вводящее в заблуждение (лат.). — Прим. перев.

в начале XX века, погребения действительно археологически выглядят весьма консервативными на большей части территории Средиземноморья и запада Европы. Но если взглянуть на другие свидетельства, касающиеся траура, собственно похорон, поминовения или даже надгробных маркеров или камней, то можно увидеть, что погребение оставалось динамичной областью выражения состояния общества.

Сомнительные свидетельства «германской» миграции в северную Галлию в IV веке вновь послужат нам полезным уроком. Здесь погребальные обычаи предполагаемых переселенцев принципиально отличаются от тех, которые существовали на их предполагаемой родине. В этом видят свидетельство аккультурации, но для того, чтобы такое объяснение было хоть сколько-нибудь убедительным с точки зрения археологии, надо представить себе сообщества, кремирующие покойников без погребального инвентаря, а затем постепенно перенимающие обычаи коренного населения. Вместо этого, если бы мы предположили, что это действительно захоронения пришельцев (чему я не нахожу убедительного подтверждения), мы увидели бы сообщества, которые позабыли погребальные обычаи своих отцов (те самые, предположительно строго охраняемые консервативные маркеры этнической принадлежности), едва только пересекли границу. Еще одним аргументом Казанского и Перена в пользу аккультурации является то, что захоронения, в которых обнаружены только пряжки, являются римскими, тогда как захоронения, в которых помимо пряжек обнаружен иной погребальный инвентарь (оружие у мужчин и комплекты украшений у женщин), принадлежат пришельцам, поскольку последние следовали своим традиционным обрядам (Kazanski, Périn 2008: 191). В действительности же *ни один* из обрядов захоронения с погребальным инвентарем не является специфически «германским». Варвары, населявшие территорию между Рейном и Балтийским морем или побережьем Северного моря, сжигали умерших, иногда помещая в погребение элементы одежды, а иногда и нет, иногда используя урны, а иногда и нет, часто и без урны, и без инвентаря, что делает их неидентифицируемыми с археологической точки зрения.

Теперь перейдем к главному обоснованию позиции Казанского и Перена — мнимому консерватизму женского костюма. Утверждается — вопреки эмпирическим данным о галльском происхождении находок в этих захоронениях, — что характер использования этих предметов свидетельствует о том, что это захоронения германских пришельцев (Schmauder 2003: 279, 280, прим. 3). Фибулы якобы были традиционными украшениями национальной одежды западных германцев. Две фибулы носили на плечах или для закрепления пеллума, или — что более вероятно — для фиксации шали или платья. По поводу этого утверждения возникает множество вопросов. Самое главное, как я уже отмечал, это то, что погребальные обряды в тех областях, откуда якобы прибыли пришельцы, по преимуществу предполагают сожжение (общеизвестно, что родина франков практически является белым пятном на археологической карте). Это означает, что у нас очень мало сведений о том, как германские женщины носили фибулы. В основном, источником этих сведений являются обсуждаемые захоронения (см., напр., Vöhne 1974: 161), что лишает этот аргумент логической основательности! Вторая проблема состоит в том, что при всей предполагаемой неизменности и консерватизме «сакрализованного» женского

костюма археологические данные выявляют значительную вариативность в количестве и расположении фибул, присутствии или отсутствии иных артефактов и т. д. Часто забывают, что римские женщины также носили украшения. Хотя фибулы вышли из употребления, по крайней мере, на время, к середине IV века, они были очень распространены и порой использовались точно таким же образом вплоть до III века (Fehr 2008: 89–97). Можно задать вопрос, почему мода объясняет только отказ от фибул, но не их возвращение, почему миграция объясняет только новое появление фибул, но не их исчезновение и, самое главное, почему римский женский костюм, подверженный, как показано, влиянию моды, был менее сакрализован и консервативен, чем одежда «германских» женщин. Тем не менее, при исследовании позднейших захоронений римской Галлии Казанский и Перен имплицитно исходят из того, что римский костюм был более неизменным, чем германский, поскольку археологически засвидетельствованное разнообразие женских захоронений якобы указывает на вариативность и аккультурацию под влиянием «германских» женщин; это не могут быть римлянки, поскольку (как подразумевается) им запрещалось использовать новые элементы убора или как-то иначе менять свой костюм.

Третья проблема, связанная с гипотезой Казанского-Перена, относится к самой природе этого якобы северо-западного «германского» костюма с парами наплечных фибул. По сути, здесь две проблемы. Первая состоит в том, что эта гипотеза прямо противоречит утверждению, что ношение двух фибул на плечах — признак традиционного *восточного*, а не западного женского костюма, ввиду чего захоронения с наплечными фибулами могут указывать на «восточногерманских» иммигрантов V века (Kazanski, Périn 2008: 201). Несколько более ранние захоронения в северной Галлии свидетельствуют о том, что использование фибул уже было известно в этом регионе. Вторая проблема состоит в том, что тщательное изучение данных позволяет предположить, что этот обычай не только не является исключительной особенностью восточных германцев, но мог быть модным в галльской провинции позднеримского времени.

Понятие моды — конечно, лишь как описание, а не объяснение — дает новые поводы поставить под вопрос методологию наших авторов. Если взглянуть на данные археологии, можно увидеть лишь значительную вариативность — во времени и пространстве, — которая не согласуется с утверждением о глубоком консерватизме в одежде. В действительности заклинания об аккультурации в значительной мере опровергают это утверждение. То, что мы видим в целом в северной Галлии, представляется процессом вхождения франков в структуры северогалльского общества V века, в то время как их политическая, этническая идентичность была воспринята галлами. Тем не менее, это заставляет сомневаться в том, действительно ли женский костюм является настолько консервативным и подчиняющимся правилам и насколько тесно он связан с этнической идентичностью.

Когда я обсуждал эти проблемы с Патриком Переном⁴, он всегда пояснял, что, в его представлении, первое поколение иммигрантов придерживалось

⁴ Я хочу подчеркнуть, что месье Перен всегда выражал мне свои дружеские чувства и поддержку и с готовностью обсуждал эти вопросы. Я хочу прояснить, что хотя мы

традиционного стиля в одежде, а последующие поколения постепенно воспринимали все больше и больше элементов моды коренного населения. Это интересная мысль, но чтобы обосновать ее, необходимо тщательно изучить все аспекты захоронения, а не только погребальный инвентарь и его датировку. Потребовалось бы выяснить возраст похороненного, поскольку, если модель Перена соответствует действительности, можно предположить, что у пожилых женщин второго поколения сохранится традиционный костюм. Можно предположить, что в первом поколении родители хоронили своих детей в традиционной одежде, но как быть с подростками и молодыми женщинами, которые умерли в период первого поколения, но могли бы стать аккультурированными женщинами второго поколения? Каким образом заканчивается эта переходная стадия и как она отражается в археологических находках? Эта проблема требует всестороннего обдумывания и моделирования, а не простого картирования различных хронологических фаз. Следует также сказать, что когда самые ранние захоронения пришельцев не вписываются в традиционную модель, выдвигается аргумент, что эти женщины были частично аккультурированы еще до того, как прибыли на место, где они умерли (Kazanski, Périn 2008: 198; 2009: 157)! Конечно, если не считать, что они в первую очередь являются иммигрантами (я уже говорил, что эмпирические основания для такого предположения слабы), то это не очень убедительный аргумент, каким бы удобным он ни был.

По данным захоронений женский костюм значительно варьируется в зависимости от возраста умершей не только в северной Галлии Меровингов, но и в некоторых иных областях пограничных римских провинций, в англо-саксонской Британии, южной Германии и северной Италии (см., напр., Barbiera 2005; Brather 2004b; Clark 2000). Мои исследования франкских могильников Лотарингии показали, что в детские захоронения обычно не помещали предметов, специфических для мужского или женского костюма (Halsall 1995: 254; 1996). Наибольшее количество украшений (важнейших элементов «традиционного», «этнического» костюма) обнаруживались в захоронениях подростков и молодых людей, тогда как женщин старше тридцати лет все реже хоронили с этими артефактами. Уже один этот факт должен указывать на то, что чисто этническая интерпретация костюма является упрощенной. Это не отрицает того, что одежда молодых женщин могла свидетельствовать об этнической принадлежности. Если же, как я предположил выше, природа костюма и его украшений изменялась в течение жизненного цикла женщины, то это ставит под вопрос адекватность модели постепенного отказа от традиционного этнического костюма от поколения к поколению в соответствии с идеей «аккультурации».

Это поднимает одну из самых серьезных проблем, связанных с традиционной точкой зрения: почему изменчивость, наблюдаемая в археологических данных, вообще имеет какое-либо отношение к этнической принадлежности? Казанский и Перен признают этот момент (Kazanski, Périn 2008: 191), но они не позволяют ему вмешаться в их аргументацию. В конструировании захоронения может участвовать множество факторов индивидуального характера. Я уже обсуждал (Halsall 2010: 289–412) роль пола и возраста. Казанский и Перен

придерживаемся диаметрально противоположных интерпретаций, в этом противостоянии нет личной вражды.

упоминают, что религия и «социальные факторы» участвуют в создании погребального обряда и тех его черт, которые наблюдаются археологами (Kazanski, Périn 2008: 191), но они не задаются вопросом, взаимодействуют ли эти различные характеристики в качестве в первую очередь «этнических» факторов, или же (как мне представляется) они противоречат друг другу, делая этническую интерпретацию непоследовательной.

Сказанное, в свою очередь, подводит меня к проблеме, лежащей в основе любого традиционного «этнического» прочтения, а именно: такое прочтение игнорирует процессы, находящиеся за пределами создания археологических данных, рассматривая их просто в качестве пассивного отражения «реальности». Что бы ни говорили о современном состоянии археологической теории в Великобритании, в своей постпроцессуальной фазе в 1980-х годах она все же вывела на первый план мысль о том, что формирование археологических свидетельств — это тщательно спланированная и важная деятельность, основанная на осознанном выборе и призванная как порождать информацию, так и передавать ее очевидцам. Поэтому каждый должен задавать себе вопрос, *почему* люди выбирали тот или иной способ захоронения. Трудность этнического прочтения состоит в том, что в отношении многих известных нам этнических групп очевидно, что они не хоронили своих покойников тем особым образом, который приписывается им археологами. Нет лучшего примера, чем сами готы. Спутники Теодориха, какой бы минималистской точки зрения мы не придерживались, во много раз превосходили числом те пятьдесят с чем-то захоронений в Италии и на Балканах, которые археологи признают «остготскими» (Bierbrauer 1994). Очевидно, что готы в Аквитании и Испании не устраивали захоронения в особом, готском стиле. На самом деле они не хоронили таким образом и когда были на Балканах, и даже до 376 года; судя по данным Черняховской-Сынтана-де-Муреш культуры, они в любом случае вообще не имели единого погребального обряда: на одних и тех же могильниках встречаются кремнированные останки и разного рода ингумации (см. интересный обзор Heather, Matthews 1991: 59–69). Таким образом, даже в случае «наилучшего сценария» (т. е. если принять этническое заимствование ритуала), эти «этнические группы» хоронили особенным образом лишь *некоторых* покойников — незначительное меньшинство. Опять возникает вопрос — *почему?* Без сомнения, должна была существовать причина — помимо этнической принадлежности, — которая заставляла выделять некоторых покойников из общего множества. Другими словами, даже в тех случаях, когда этническая принадлежность могла бы быть приемлемым *описанием* значения погребальных объектов, она редко удовлетворительно *объясняет* их особенности.

Здесь коренится, на мой взгляд, решение проблемы — или *не-проблемы*, как я предпочел бы сказать — археологической неуволвимости готов в Аквитании. Объяснение не может заключаться просто в том, что у готов не было готских предметов личного убора. Будучи господствующей силой региона, они просто могли бы заставить римских ремесленников изготавливать их. Или же — как предполагает гипотеза Казанского — Перена в отношении других ситуаций — они могли бы использовать предметы местного изготовления, соответствующие готскому национальному костюму. Простое отсутствие предметов личного убора не может объяснить отказ от обряда. Здесь следует, однако,

отметить, что поскольку «готский» погребальный обряд был фактически создан последующими поколениями (в Испании), теория Перена относительно аквитанских готов обращает время вспять, поскольку говорит о несуществовании чего-то, что еще не произошло! Для Казанского и Перена гот всегда гот, и он *всегда* делает (или должен делать) то, что о нем сообщается в истории готов (независимо от места и времени). Это только один пример того, что они рассматривают этническую идентичность и культуру как нечто единое и неизменное, хотя и заявляют, что убеждены в обратном.

Там, где этническая или политическая идентичность демонстрируется в захоронениях при помощи погребального инвентаря, очень важно понять, что она демонстрируется с определенной целью (Halsall 2010: 203–260). Поэтому мы должны задать себе вопрос: *почему* готы непременно хоронили своих мертвецов в одеяниях, которые в Аквитании V века провозглашали их принадлежность к готскому народу? Миграция не всегда автоматически распознается по данным раскопок; в действительности, зачастую она археологически неуловима. Я неоднократно писал, что захоронения с погребальным инвентарем являются, по сути, признаком своего рода социального соперничества (Halsall 2010: 203–260). По данным северных галльских могильников начала VI века, в несформировавшемся обществе, где не было строгих классовых различий и способов добиться превосходства, кроме как на королевской службе, можно предположить, что целые общины соревновались в использовании погребального инвентаря, точно так же, как это происходило в низинной части Британии (Halsall 2010: 278–284). В других регионах, таких как остготская Италия, богатые захоронения концентрировались, как можно судить, в урбанистических центрах страны и, возможно, являлись способом продемонстрировать другим представителям аристократии, борющимся за королевские привилегии, свою принадлежность именно народу готов (Halsall 2007: 336–338). Не существует единого объяснения для похоронных ритуалов с погребальным инвентарем. Следует учитывать личность захораниваемых, их число и вид могильника, а также типы и количество предметов (Halsall 2008). Однако демонстрация погребального инвентаря кратковременна по своей природе и поэтому требует как привлечения зрителей, так и наличия символического языка, который позволил бы им понять послание, передаваемое ритуальными предметами. Все это однозначно указывает на наличие некоего политического соперничества.

Так называемые готские могильники в Испании в основном располагаются по границам государства — не только на севере Кастильского плоскогорья, что хорошо известно, но и на юге, вокруг византийских анклавов, а также в Септимании на франкской границе. Достоверно известны захоронения с погребальным инвентарем на границе со страной басков, где наличие политической границы, несомненно, должно быть частью объяснения. Другими словами, на периферии политических образований, где могла происходить борьба за власть в местных масштабах между отдельными личностями или группами, рассчитывающими на поддержку различных политических сил, и в условиях VI века, когда политическая и военная власть часто основывалась на идее этничности, мы можем ожидать, что предметы, помещаемые в захоронения, могли иметь этническую значимость — но совершенно в ином смысле, чем традиционно предполагается.

Сказанное приводит меня к следующим выводам. Я рассмотрел аргументацию Казанского — Перена по существу, используя те самые эмпирические методы археологии, на которые она, по их заявлению, опирается, чтобы показать, что их тезис не очень убедителен даже с их собственной позиции. Мои рассуждения привели нас, шаг за шагом, к всеобъемлющим теоретическим проблемам, которые подвергают сомнению их теорию в целом.

Первая из них заключается в том, что связь между материальной культурой и этнической идентичностью весьма проблематична. Много лет назад классические исследования показали, что нетрудно составить список признаков — будь то язык, одежда или прически, — которые, по мнению членов одной группы, отличают ее от других. Однако на практике эти признаки редко — а, может быть, и никогда — не выявляются, а если и выявляются, то не позволяют отличить одну группу от другой (Moerman 1969; в работе Pohl 1998 содержатся аналогичные замечания в отношении эпохи Средних веков). Другое исследование, посвященное восточной Африке, показывает, что некоторые возрастные группы одной общины перенимали материальную культуру соседней общины, чтобы обозначить свое отличие от других возрастных групп, старше или моложе себя (Larrick 1986). Невозможно даже представить себе, какую неразбериху вызвала бы попытка определить этническую принадлежность исходя из ареала артефактов! Однако мы можем наблюдать подобную картину, опираясь на свидетельства поздней античности, когда римские солдаты и аристократы заимствовали элементы костюма, который считался варварским — то, что я назвал «варварским шиком» (Halsall 2007: 110) — или когда народы Барбарикума, как мужчины, так и женщины, использовали привозные предметы материальной культуры, чтобы продемонстрировать свой высокий статус (Halsall 2007: 57, 58). Около 400 года некоторые северные германцы принимали римский обряд погребения, чтобы выделиться из массы своих сородичей (Wemmann 1999; Kleemann 1999). От этого они не становились римлянами по праву рождения, однако, насколько нам известно, некоторые из них, если они отслужили в римской армии, вполне могли называть себя римлянами. В готской Италии или на окраинах готского королевства Испании отдельные личности вполне могли называть себя готами, даже если они не были потомками народа, который перешел Дунай в 370–380-е годы. Это была заявка на власть и статус.

В конечном счете, дело именно в этом. Этничность — это состояние души, не обязательно коррелирующее с поддающимися объективному измерению сущностями — материальными, биологическими или генетическими. Поэтому любая попытка выявить однозначную этническую принадлежность, а тем более взаимодействие между однозначными этническими принадлежностями (на что делает ставку «аккультурационная» аргументация), является в высшей степени сомнительной. Пожалуй, будет более уместно сказать, что этничность сама по себе есть сложная характеристика личностной идентичности, которая существует на нескольких уровнях и которую можно учитывать и выдвигать на первый план или отбросить, недооценить или скрыть. Люди раннего Средневековья не обязаны были рассматривать себя в качестве *или* римлян *или* франков, *или* готов *или* свевов. Жителю Испании VI века, который взял оружие и вступил в армию, используя свою готскую идентичность для того, чтобы быть принятым в эту военно-политическую группу, ничто не мешало в иных обстоятельствах

также отождествлять себя с римлянами или жителями провинции. Ни одна из этих групп не была сама по себе однородной: римляне самоидентифицировались как граждане (очень важная ступень иерархии в постимперское время, на которую обращают мало внимания); существовали различные группы у франков; существовали региональные политические группировки — королевства или римские провинции, — которые обладали большинством черт этничности (Нейстрия, Австразия, Аквитания, Прованс).

В некотором смысле мы совершили полный круг логических рассуждений, поскольку, если признать, что варвары ассоциировали военную службу с этнической принадлежностью, можно предположить, что некоторые объекты в погребениях (оружие) могли служить для наглядной демонстрации этой этнической принадлежности. Такая археологическая интерпретация противоречила бы большинству критических замечаний, высказанных в начале настоящей статьи, поскольку явилась бы интерпретацией материальной культуры исключительно в свете документальных источников. Однако это толкование документальных источников и его приложение к материальной культуре является несколько более конкретизированным (и в большей степени опирается на письменные данные). Возможно, что некоторые типы фибул, используемые особым образом особым типом людей и в особых обстоятельствах, *действительно* имели этническую коннотацию, так что обнаружение ютской фибулы в Англии могло бы означать, что носивший ее заявлял о своей ютской идентичности.

Следует, впрочем, предупредить, что это остается лишь предположением, сделанным в определенном контексте. Нельзя принять за правило, что люди с оружием — всегда франки, где бы и при каких бы обстоятельствах они ни обнаруживались; это совершенно неверно. Фактически наше предположение столь же пластично, как и современное понимание этничности. Поэтому, хотя кажется, что мы совершили полный круг рассуждений, на деле мы пришли к совершенно иному пониманию взаимоотношения между материальной культурой и этничностью. Дискуссия развивается по спирали, и я думаю, что поэтому она позволит прийти к более интересной и менее ограниченной интерпретации наших знаний о раннесредневековых могильниках.

Литература

- Barbiera I.* 2005. *Changing Lands in Changing Memories: Migration and Identity during the Lombard Invasions.* Florence: all&Insegna del Giglio.
- Bemann J.* 1999. Körpergräber der jüngeren römischen Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit aus Schleswig Holstein. Zum Aufkommen einer neuen Bestattungssitte im überregionalen Vergleich // *Studien zur Sachsenforschung* 13. 5–45.
- Bierbrauer V.* 1994. *Archeologia degli Ostrogoti in Italia* // Bierbrauer V., von Hessen O., Arslan E. (eds.). *I Goti.* Milano: Electa Lombardia, 170–213.
- Bierbrauer V.* 2004. Zur ethnischen Interpretation in der frühgeschichtlichen Archäologie // Pohl W. (ed.). *Die Suche nach den Ursprüngen von der Bedeutung des frühen Mittelalters.* Vienna: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 44–84.
- Böhme H.-W.* 1974. *Germanische Grabfunde des 4 bis 5 Jahrhunderts zwischen untere Elbe und Loire.* Studien zur Chronologie und Bevölkerungsgeschichte. Munich: C. H. Beck.

- Brather S. 2004a. *Ethnische Interpretationen in der frühgeschichtlichen Archäologie: Geschichte, Grundlagen und Alternativen*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Brather S. 2004b. *Kleidung und Identität im Grab: Gruppierungen innerhalb der Bevölkerung Pleidelsheims zur Merowingerzeit // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters* 32. 1–58.
- Brogio G. P., Chavarria Arnau A. 2010. *Chiese e insediamenti tra V e VIII secolo prospettive della ricerca archaeologica // Ebanista C., Rotili M. (eds.). Ipsam Nolam Barbari Vastaverunt: L'Italia e il Mediterraneo occidentale tra il V secolo e la meta del VI. Cimitile*, 45–62.
- Clark D. F. 2000. *A methodological examination of aspects of chronological and social analysis of early Anglo-Saxon cemeteries with particular reference to Cemetery I, Mucking, Essex. Unpublished PhD Dissertation, University of London.*
- Effros B. 2004. *Dressing conservatively: women's brooches as markers of ethnic identity? // Brubaker L., Smith J. M. H. (eds.). Gender in the Early Medieval World: East and West, 300–900. Cambridge: Cambridge University Press*, 165–84.
- Eggers H. J. 1950. *Der Problem der ethnischen Deutung in der Frühgeschichte // Kirchner H. (ed.). Ur- und Frühgeschichte als Historische Wissenschaft. Heidelberg*, 49–59.
- Fehr H. 2002. *Volkstum as paradigm: Germanic people and Gallo-Romans in early medieval archaeology since the 1930s // Gillett (ed.). On Barbarian Identity. Critical Approaches to Ethnicity in the Early Middle Ages. Turnhout: Brepols Publishers*, 177–200.
- Fehr H. 2008. *Germanische Einwanderung oder kulturelle Neuorientierung? Zu den Anfang des Reihengräberhorizontes // Brather S. (ed.). Zwischen Spätantike und Frühmittelalter: Archäologie des 4. bis 7. Jahrhundert im Westen. Berlin: Walter de Gruyter*, 67–102.
- Gauss F. 2009. *Völkerwanderungszeitliche "Blechfibeln": Typologie, Chronologie, Interpretation. Berlin: Walter de Gruyter.*
- Goffart W. 1988. *The Narrators of Barbarian History, AD 550–800. Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon. Princeton: University of Notre dame Press.*
- Goffart W. 1995. *Two notes on Germanic antiquity today // Traditio* 50, 9–30.
- Halsall G. 1992. *The origins of the Reihengräberzivilisation: forty years on // Drinkwater J. F., Elton H. (eds.). Fifth-Century Gaul: A Crisis of Identity? Cambridge: Cambridge University Press*, 196–207.
- Halsall G. 1995. *Settlement and Social Organization. The Merovingian Region of Metz. Cambridge: Cambridge University Press.*
- Halsall G. 1996. *Female status and power in Merovingian central Austrasia: The burial evidence // Early Medieval Europe* 5, 1–24.
- Halsall G. 2000a. *Archaeology and the late Roman frontier in northern Gaul: The so-called Föderatengräber reconsidered // Pohl W., Reimitz H. (eds.). Grenze und Differenz im früheren Mittelalter. Vienna: Österreichische Akademie der Wissenschaften*, 167–80.
- Halsall G. 2000b. *The Viking presence in England? The burial evidence reconsidered // Hadley D. M., Richards J. (eds.). Cultures in Contact: Scandinavian Settlement in England in the Ninth and Tenth Centuries. Turnhout: Brepols Publishers*, 259–76.
- Halsall G. 2007. *Barbarian Migrations and the Roman West. Cambridge: Cambridge University Press.*
- Halsall G. 2008. *Gräberfelduntersuchungen und das Ende des römischen Reichs // Brather S. (ed.). Zwischen Spätantike und Frühmittelalter: Archäologie des 4. bis 7. Jahrhundert im Westen. Berlin: Walter de Gruyter*, 103–17.

- Halsall G.* 2010. *Cemeteries and Society in Merovingian Gaul: Selected Studies in History and Archaeology, 1992–2009.* Leiden: E. J. Brill.
- Heather P.* 1991. *Goths and Romans, 332–489.* Oxford: Clarendon Press.
- Heather P., Matthews J. F.* 1991. *The Goths in the Fourth Century.* Liverpool: Liverpool University Press.
- Isidore.* 1911. *Etymologiae: Isidori Hispalensis Episcopis Etymologiarum sive Originum libri XX.* 2 vols (Lindsay W. M., ed.). Oxford: Clarendon Press.
- Jones S.* 1997. *The Archaeology of Ethnicity: Constructing Identities in the Past and Present.* London: Routledge.
- Kazanski M.* 1997. *Francs et autres barbares dans le royaume mérovingien // L'Archéologue* 29, 16–19.
- Kazanski M., Mastikova A., Périn P.* 2008. *Die Archäologie der Westgoten in Nordgallien. Zum Stand der Forschung // Brather S. (ed.). Zwischen Spätantike und Frühmittelalter: Archäologie des 4. bis 7. Jahrhundert im Westen.* Berlin: Walter de Gruyter, 149–192.
- Kazanski M., Périn P.* 2008. *Identité ethnique en Gaule à l'époque des Grandes Migrations et des Royaumes barbares: étude de cas archéologiques // Antiquités Nationales* 39, 181–216.
- Kazanski M., Périn P.* 2009. «Foreign» objects in the Merovingian cemeteries of northern Gaul // *Quast D. (ed.). Foreigners in Early Medieval Europe.* Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 149–167.
- Kleemann J.* 1999. *Zum Aufkommen der Körperbestattung in Niedersachsen // Studien zur Sachsenforschung* 13, 253–262.
- Larrick R.* 1986. *Age grading and ethnicity in the style of Loikop (Samburu) spears // WA* 18, 269–283.
- Moerman M.* 1968. *Being Lue: Use and abuses of ethnic identification // Helm J. (ed.). Essays on the Problem of Tribe. Proceedings of the 1967 Annual Spring Meeting of the American Ethnological Society.* Seattle: University of Washington Press, 153–169.
- Périn P.* 1993. *L'armée de Vidimer et la question des dépôts funéraires chez les Wisigoths en Gaule et en Espagne (Ve-VIe siècles) // Vallet F., Kazanski M. (dir.). L'Armée romaine et les barbares du IIIe au VIIe siècle.* Saint-Germain-en-Laye: Association Française d'Archéologie Mérovingienne et Musée des Antiquités Nationales, 411–423.
- Pohl W.* 1998. *Telling the Difference: Signs of ethnic identity // Pohl W., Reimitz H. (eds.). Strategies of Distinction. The Construction of Ethnic Communities, 300–800.* Leiden: Brill, 17–69.
- Rummel P. von.* 2007. *Habitus Barbarus: Kleidung und Repräsentation spätantiker Eliten im 4. und 5. Jahrhundert.* Berlin: Walter de Gruyter.
- Schmauder M.* 2003. *The relationship between Frankish gens and regnum: a proposal based on the archaeological evidence // Goetz H.-W., Jarnut J., Pohl W. (eds.). Regna and Gentes: The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World.,* Leiden: Brill, 271–306.
- Siegmund F.* 1998. *Alemannen und Franken: Archäologisch Überlegungen zu ethnischen Strukturen in der zweiten Hälfte des 5. Jahrhunderts // Geuenich D. (ed.). Die Franken und die Alemannen bis zur "Schlacht bei Zülpich".* Berlin: Walter de Gruyter, 558–580.
- Siegmund F.* 2000. *Alemannen und Franken.* Berlin: Walter de Gruyter.
- Theuvs F.* 2009. *Grave-goods, ethnicity and the rhetoric of burial rites in late antique northern Gaul // Derks T., Roymans N. (eds.). Ethnic Constructs in Antiquity: The Role of Power and Tradition.* Amsterdam: Amsterdam University Press, 283–319.

- Theuws F., Alkemade M.* 2000. A kind of mirror for men: sword depositions in Late Antique northern Gaul // Theuws F., Nelson J. L. (eds.). *Rituals of Power. From Late Antiquity to the Early Middle Ages*. Leiden: Brill, 401–476.
- Valenti M.* 2009. I villaggi altomedievali in Italia // Quiros Castillo J. A. (ed.). *Archaeology of Early Medieval Villages in Europe*. Bilbao: Universidad del Pais Vasco, 29–55.
- Wenskus R.* 1961. *Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen Gentes*. Cologne: Böhlau.
- Wolfram H.* 1988. *History of the Goths*. Berkeley: University of California Press.
- Wolfram H.* 1997. *The Roman Empire and its Germanic Peoples*. Berkeley: University of California Press.
- Zadora Rio E.* 2003. The making of churchyards and parish territories in the early-medieval landscape of France and England in the 7th–12th centuries: Areconsideration // *Medieval Archaeology* 47, 1–19.